

9:41

← Скриншот

СОХРАНЕНО
НАВСЕГДА



СКРИНШОТ
СОХРАНЕН

сейчас



КОПИЯ СОХРАНЕНА
В ОБЛАКЕ

1 мин назад



ИНДЕКСИРОВАНО
ПОИСКОВИКАМИ

5 мин назад



ПРОАНАЛИЗИРОВАНО
ИИ-СИСТЕМАМИ

7 мин назад



ВАШ
ЦИФРОВОЙ
СЛЕД — ВАША
РЕПУТАЦИЯ

AI
АНАЛИЗ

СКРИНШОТ, КОТОРЫЙ НЕ УДАЛЯЮТ

РЕПУТАЦИЯ • ПРИВАТНОСТЬ • СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ • ИНТЕРНЕТ-ПАМЯТЬ • ИИ

АНДРЕЙ ГУСАРОВ

Андрей Гусаров

Скриншот, который не удаляют

«Автор»

2026

Гусаров А.

Скриншот, который не удаляют / А. Гусаров — «Автор», 2026

Искусственный интеллект уже меняет жизнь обычных людей — не в лабораториях и не в фантастических фильмах, а на кухнях, в больницах, школах, офисах и очередях к чиновникам. Эта книга — о людях, которым нейросети помогли найти нужные слова, оспорить штраф, разобраться с врачами, перевести чужой язык, вернуть самостоятельность, услышать поддержку ночью или начать творить. Но это не восторженная реклама технологий. Автор честно показывает и другую сторону: ошибки, выдуманные факты, опасные советы и ситуации, где машине нельзя верить без проверки. «Скриншот, который не удаляют» — это понятный рассказ о том, как ИИ вошёл в повседневную жизнь. Без сложных терминов, без хайпа и без обещаний, что машина решит всё за человека. Только живые истории, простые объяснения и главный вопрос: как пользоваться нейросетями так, чтобы они помогали, а не вредили.

© Гусаров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Пролог. Вторая половина истории	6
ЧАСТЬ I	8
Глава 1. Второй мозг на кухне	9
Загадка вечерних котлет	10
Слово дня: промпт	11
Как я сам сел в эту лужу	12
Что такое «второй мозг на кухне»	13
Честная оговорка на прощание	14
Глава 2. Бумаги, штрафы и деньги	15
Это была не случайность	16
Что здесь на самом деле произошло	17
Как я сам чуть не попался	18
Слово дня: галлюцинация	19
Самый дорогой урок в этой главе	20
Тон — да, факты — нет	21
ЧАСТЬ II	22
Глава 3. Второе мнение	23
Три года, семнадцать врачей	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Гусаров

Скриншот, который не удаляют

Содержание

Пролог. Вторая половина истории
ЧАСТЬ I. Невидимый помощник
Глава 1. Второй мозг на кухне
Глава 2. Бумаги, штрафы и деньги
ЧАСТЬ II. Когда это важно
Глава 3. Второе мнение
Глава 4. Глаза, уши, голос
Глава 5. Чужой язык
Глава 6. Работа без диплома по компьютерам
ЧАСТЬ III. Человек и машина
Глава 7. Собеседник в три часа ночи
Глава 8. Творить
Глава 9. Дети и машина
ЧАСТЬ IV. Честно — и что дальше
Глава 10. Когда машина подвела
Глава 11. Что дальше — коротко и без хайпа
Эпилог. Марина пишет сама

Пролог. Вторая половина истории

Осенью 2025 года я закончил книгу о том, как искусственный интеллект забирает.

Книга вышла невесёлой. Она про бизнес, поиск и трафик — про то, как машина тихо съедает старый интернет, на котором многие из нас выросли и заработали. Цифры в ней не утешали: сайты теряют читателей, привычный поиск осыпается, и никто пока толком не знает, чем это кончится. Я отправил рукопись издателю и с облегчением закрыл ноутбук.

А через час открыл снова. Нужно было написать классному руководителю сына. И я поймал себя на том, что диктую это письмо машине.

Вот тогда меня и накрыло. Я только что написал триста страниц про то, как ИИ отнимает, — и ни строчки про то, как он в это же самое время даёт. Отнимает у корпораций. Даёт — конкретному усталому человеку в десять вечера. Это две половины одной истории. А я рассказал только первую, мрачную.

Вторую в это самое время проживали миллионы людей, которые слова «трафик» отродясь не произносили. Мать, переписывающая через бота объяснительную учительнице. Человек, оспоровивший несправедливый штраф одним грамотным письмом. Беженец, который через переводчик в кармане нашёл врача в чужой стране. Про них не пишут отраслевых книг и не строят графиков. А стоило бы. Эта книга — попытка исправить несправедливость.

Договоримся сразу о трёх вещах. Они пройдут через всю книгу, как три нити в косе.

Первая нить — люди. Конкретные, с именами, городами и подгоревшими котлетами. Я не стану рассказывать вам про «пользователей» и «целевую аудиторию». Я буду рассказывать про живых людей, которым машина что-то изменила: кому — вечер, кому — судьбу.

(Тут сразу честно, чтобы потом не было обид. Часть героев этой книги — собирательные. Я менял имена, города и мелкие детали — там, где человек просил не называть его, или там, где история одна на тысячи. Но всё, что эти люди делают, делают реальные люди, с которыми я разговаривал. А там, где случай подтверждён документально — есть имя, газета, дата, — я называю настоящее имя и даю ссылку. Эту границу я не размываю нигде. Доверие — единственное, на чём такая книга держится. Тем более что зарабатывать на ней я не собираюсь: она написана, чтобы её пересылали, а не покупали.)

Вторая нить — как это вообще работает. Без формул и без тумана. В каждой главе — ровно одно новое слово, объяснённое так, чтобы поняла моя собственная мама. К концу книги вы будете понимать, что творится внутри машины, лучше большинства тех, кто про неё сегодня громко спорит.

Третья нить — я сам. Андрей Гусаров, шестнадцать лет в интернет-маркетинге, человек, который ещё недавно над всем этим снисходительно посмеивался. Я прошёл путь от «игрушки» до ежедневного использования — и до сих пор удивляюсь, как тихо это со мной случилось. Расскажу честно, включая те разы, когда машина меня подводила. А подводила она крепко.

Чего в этой книге не будет — так это обещаний, что машина сделает вас счастливым, богатым и молодым. И пророчеств про то, в каком году нас всех заменят роботы. Я не знаю, в каком. Никто не знает. Зато я знаю, что уже сегодня происходит на кухнях, в больничных коридорах и в очередях к чиновнику. С этого и начнём — с того, что можно потрогать руками.

Знаете, что объединяет почти всех моих героев? У каждого в телефоне есть сохранённый скриншот. Письмо, которое наконец-то получилось. Ответ, который всё расставил по местам. Подсказка, которая что-то спасла. Эти скриншоты люди не удаляют — сами не зная почему. Так когда-то хранили газетную вырезку или первую фотографию ребёнка. Считайте, что вся эта книга — галерея таких скриншотов. Чужих маленьких побед, из которых незаметно сложилась большая перемена.

Раньше мы боялись, что машины начнут думать за нас. Они не начали. Они начали писать за нас — а это, как выяснилось, совсем другое дело.

И перемена эта случилась не в лаборатории. Она случилась на кухне в Перми, декабрьским вечером. С неё и начнём.

ЧАСТЬ I

Невидимый помощник

Глава 1. Второй мозг на кухне

Вечером 12 декабря 2024 года, между разогретыми котлетами и непроверенными тетрадями, Марина из Перми проиграла родительскому чату.

Сообщений было сорок одно. Завтра приносим поделку из природных материалов, не забудьте сменку, кто-то потерял варежку, сбор на подарок учительнице — и где-то там, ближе к концу, её собственная вина: Артём опять не сдал домашку. Марина смотрела в экран и не знала, что написать классному руководителю. Не потому, что не было причины. Причина была — сын весь вечер ныл, что болит голова, и она ему, в общем, поверила. Просто не было сил собрать это в одно вежливое взрослое предложение. Из тех, после которых учительница кивает, а не вызывает родителей.

Она открыла приложение, которое две недели назад скачала из любопытства и считала модным баловством. Набрала, как думала, — коряво, без точек: «напиши учительнице что Артём не сделал домашку потому что болела голова. только так чтобы она поверила и без претензий».

Через пять секунд на экране лежало письмо. Спокойное, тёплое, с правильным «к сожалению» в начале и обещанием «нагнать пропущенное» в конце. Марина прочитала. Поправила одно слово. Отправила.

Учительница ответила: «Конечно, выздоравливайте». И поставила сердечко.

Марина потом рассказывала, что в ту секунду почувствовала не восторг, а что-то вроде стыда — будто списала контрольную. Скриншот того письма до сих пор лежит у неё в галерее телефона, между фотографией кота и чеком из «Пятёрочки». Она его не удаляет. Сама не знает почему.

С этого письма началась её другая жизнь. И, если честно, эта книга — тоже.

* * *

Загадка вечерних котлет

Тут есть над чем удивиться. Марина не отличает Wi-Fi от Bluetooth. Она искренне считает, что «зайти в облако» — это что-то про погоду. Пароли у неё записаны в бумажной книжке, а книжка — в ящике с лекарствами. Она не программист, не айтишник, не «ранний адоптер» — слова, которое она тоже не знает.

И при этом за следующие полгода Марина написала через машину больше текстов, чем за всю предыдущую жизнь.

Объяснительные учительнице. Поздравление свекрови на юбилей (со стихами, чего раньше не умела). Жалобу в управляющую компанию на батарею, которая «тёплая, как вчерашний чай». Письмо начальнику с просьбой об отгуле — три варианта, от робкого до уверенного, она выбрала средний. Список покупок на неделю, разложенный по дням. И один раз — текст для надгробной таблички бабушке, который не получалось написать три месяца, потому что каждый раз начинала плакать.

Как женщина, путающая Wi-Fi и Bluetooth, стала писать через нейросеть всё подряд?

Ответ простой и немного обидный для всей индустрии, которая годами делала сложные интерфейсы. Марине не пришлось ничему учиться. Она просто написала машине словами. Как написала бы подруге. Или, точнее, как написала бы очень исполнительный, очень начитанной и совершенно беспринципной помощнице, которая никогда не устаёт, не осуждает и не сплетничает во дворе.

И ещё одно. Марина была не одна.

В феврале 2026 года компания OpenAI, сделавшая ChatGPT, сообщила: в её чат-бот заходит около девятист миллионов человек каждую неделю. Не «попробовали разок» — возвращаются, неделя за неделей. Девятьсот миллионов — это вшестеро больше, чем всё население России. Целая невидимая страна, которая каждую неделю о чём-то спрашивает машину. И большинство её жителей — не инженеры. Это Марины.

И спрашивают они чаще всего не про работу. Осенью 2025 года OpenAI вместе с гарвардским экономистом разобрала полтора миллиона переписок — и выяснила, что за один год доля личных, бытовых сообщений выросла с 53 до 73 процентов. Мир тихо переучил машину: из рабочего инструмента — в кухонный. Люди спрашивают, что приготовить из того, что осталось в холодильнике, как ответить бывшему, как объяснить ребёнку дробь и как написать в банк, чтобы вернули комиссию.

Тихая революция случилась не в лабораториях. Она случилась на кухнях.

Слово дня: промпт

Теперь обещанное слово.

Всё, что Марина набирала в окошко, на языке этой технологии называется **промптом**. Звучит сложно. На деле — нет.

Промпт — это просто то, что вы пишете машине, чтобы получить ответ. Как поисковый запрос в Яндексе, только не из ключевых слов, а разговором. Не «объяснительная учительница головная боль образец», а «напиши учительнице, что сын не сделал домашку из-за головной боли, вежливо и без претензий». Разница как между тем, чтобы рыться в ящике со старыми бланками, — и тем, чтобы попросить грамотного соседа: «Слушай, набросай по-человечески».

Вот и весь промпт. Просьба, сказанная словами.

Главное, что нужно понять про промпт, Марина нащупала сама, методом тыка, за пару недель. Чем точнее просьба — тем лучше ответ. «Напиши поздравление» даёт пресную открытку из ниоткуда. «Напиши поздравление свекрови на 60 лет, она любит сад и сериалы, добавь немного юмора про рассаду, четыре строчки» — даёт то, что не стыдно прочитать вслух за столом. Машина не читает мысли. Она читает слова. Сколько вложишь — столько и достанешь.

Уголок занудства (можно пропустить).

Если совсем строго, промпт — это весь текст, который модель получает на вход: и ваша просьба, и негласные инструкции, и предыдущие реплики разговора. Профессионалы пишут промпты на несколько страниц, с примерами и ролями («ты — опытный юрист, отвечай сухо»). Существует даже ремесло — «промпт-инжиниринг», искусство формулировать запросы. Но Марине всё это не нужно. И вам поначалу — тоже. Хорошая новость в том, что машина прощает корявость: можно писать с ошибками, без запятых, обрывками. Она поймёт. Это, пожалуй, первый инструмент в истории, которому не важно, как вы держите ручку.

Как я сам сел в эту лужу

Здесь мне придётся признаться.

Я подошёл к нейросетям позже Марины. И с куда большим гонором. Шестнадцать лет в интернет-маркетинге приучают думать, что ты про интернет знаешь всё. Поэтому свой первый запрос в ChatGPT я сделал снисходительно — проверить, не дура ли машина. Спросил что-то заковыристое про свою же профессию, поймал её на неточности, хмыкнул и закрыл вкладку. «Игрушка», — решил я. И вернулся к серьёзным делам.

Серьёзные дела заняли примерно три месяца. А потом я заметил за собой странное.

Я перестал писать с нуля. Сначала — рабочие письма, которые всегда отнимали по двадцать минут на одно «согласно нашей договорённости». Потом — черновики постов. Потом я поймал себя на том, что в десять вечера выясняю у машины, чем отличается ипотека с господдержкой от семейной, потому что спросить было лень, а гуглить — долго. (Да, основатель агентства, которое в том числе про поиск. Смейтесь, я заслужил.)

И вот что меня по-настоящему зацепило — даже не польза. А то, как тихо это произошло. Не было дня, когда я решил «теперь я пользуюсь нейросетями». Просто в какой-то момент оказалось, что уже пользуюсь. Каждый день. Как незаметно когда-то в кармане поселился смартфон, и мы забыли, каково это — не знать дорогу.

Что такое «второй мозг на кухне»

Вернёмся на Маринину кухню — туда, где всё началось и где, по правде, происходит самое интересное.

К весне у Марины сложился свой обиход. Утром, собирая Артёма, она диктовала машине список дел и просила разложить его по времени — «чтобы не как обычно». Вечером, открыв холодильник и увидев там полпачки гречки, одинокую сосиску и подвявший укроп, она фотографировала это уныние и спрашивала: «что приготовить, чтобы Артём съел». Машина предлагала. Иногда — ерунду. Иногда — то, что и правда съедали.

Это и есть то, что я называю вторым мозгом на кухне. Не искусственный интеллект из фильмов. Не робот. А тихая подсобка для головы — место, куда можно сгрузить мелкую умственную работу, которая весь день капает на нервы. Что приготовить. Как ответить. Что сказать. Куда деть это раздражение перед тем, как написать в чат что-нибудь, о чём потом пожалеешь.

Раньше всё это Марина держала в себе. Точнее — выплёскивала. На Артёма, на мужа, на соседку. «Раньше она орала на меня по утрам, — без обиды, скорее с удивлением говорит её муж Сергей. — Теперь, если что, идёт ругаться с телефоном. Я даже скучаю иногда».

Звучит как шутка. Но за этой шуткой — настоящий сдвиг. Машина не сделала Марину умнее. Образованнее тоже не сделала. Она сделала другое: добавила между порывом и поступком пять секунд и одно готовое предложение. А иногда именно этих пяти секунд человеку и не хватает.

Честная оговорка на прощание

И всё-таки я обязан испортить вам этот тёплый вечер.

Та же машина, что так ловко написала письмо учительнице, однажды посоветовала Марине добавить в жалобу на батарею ссылку на «статью 161 Жилищного кодекса о температуре теплоносителя не ниже 80 градусов». Звучало солидно. Марина почти отправила. Хорошо, что Сергей, бывший слесарь, фыркнул: батареи такими горячими не бывают, обваришься. Никакой такой нормы в том виде не существовало. Машина её придумала. Уверенно, складно, с номером статьи — и из воздуха.

У этого свойства есть имя, и оно будет преследовать нас всю книгу. Но это слово — для следующей главы. Пока запомните одно: машина пишет одинаково гладко и тогда, когда знает, и тогда, когда не знает. Уверенность в её ответе ничего не говорит о правоте. Совсем ничего.

Поэтому первое правило второго мозга простое. Доверять — да. Проверять — всегда. Особенно там, где цифры, законы, лекарства и деньги.

Машина с радостью пишет за нас. А вот думать и проверять написанное — всё ещё наша работа. По крайней мере пока.

* * *

Скриншот того, самого первого письма Марина так и не удалила. Я однажды спросил почему. Она пожала плечами и сказала фразу, которую я записал дословно, потому что лучше не придумаешь:

«Это как первая фотография, где ребёнок сам встал. Вроде ерунда. А всё — уже не вернётся, как было».

Дальше в этой книге будут истории посерьёзнее, чем письмо учительнице. Будет мать, которой машина помогла найти диагноз, не дававшийся врачам три года. Будет незрячая женщина, которой телефон вернул возможность самой читать этикетки. Будет человек, для которого чат-бот стал собеседником в три часа ночи, — и мы честно поговорим, хорошо это или страшно.

Но начинается всё одинаково. С маленькой просьбы, сказанной словами. С пяти секунд. С одного скриншота, который почему-то не хочется удалять.

Артём, кстати, в феврале раскусил мать. Но об этом — в самом конце.

Глава 2. Бумаги, штрафы и деньги

Под дворником лежала квитанция на шестьдесят фунтов.

Милли Холтон, двадцать два года, студентка последнего курса в Йорке, смотрела на штраф и злилась тихо, по-английски. Машина стояла на её собственной улице — той самой, на которую у Милли был оплаченный пропуск. Штраф выписали по ошибке. Это знала она, это легко доказывалось бумагами. Но чтобы доказать, нужно было сесть и написать в городской совет официальное письмо. Из тех, где «в связи с вышеизложенным» и «прошу пересмотреть».

Сначала она хотела просто заплатить. Не от богатства — от усталости. Конец учебного года, дедлайны, сессия. Шестьдесят фунтов — это, считай, неделя еды для студента. Но воевать с советом из-за них, подбирать слова, ждать ответа неделями — на это сил не было.

А потом, почти на спор с собой, открыла приложение, которым уже пару раз писала рабочие письма. И набрала просьбу в лоб, без всякой юридической позы: помощи составить письмо в совет, мне выписали штраф за парковку. Добавила детали — номер квитанции, адрес, что у неё есть пропуск.

Через несколько секунд на экране лежало письмо. Спокойное, складное, по делу. Она перечитала, ничего почти не поправила и отправила.

Через несколько дней пришёл ответ: штраф аннулирован.

Милли потом говорила, что сама бы так не сформулировала — и, скорее всего, просто заплатила бы. Не потому, что была не права. А потому, что не нашла бы слов. Машина нашла их за неё за пять секунд.

Это была не случайность

Самое интересное в истории Милли — что она не единственная. И не счастливое совпадение.

За месяц до неё, зимой 2023 года, Шон Бозли из Брайтона подвозил коллегу к аэропорту Гатвик. Заехал на зону высадки, постоял, по его словам, минуты три, уехал. А несколько месяцев спустя получил «финальное уведомление» — сто фунтов штрафа от оператора парковок. Никакого первого уведомления, по его словам, он до этого не видел. Сразу финал, сразу сто фунтов. За проезд через высадку, которая стоит пять.

Бозли сел и написал машине примерно то же, что Милли: составь апелляцию на штраф за проезд через высадку в Гатвике, первого уведомления я не получал. Машина выдала письмо — вежливое, структурированное, с правильными зацепками: про «чрезмерный стресс», про просьбу разъяснить, почему первое уведомление до него не дошло.

Оператор ответил на следующий день. Сто фунтов превратились в пятнадцать.

Бозли потом удивлялся вслух одной вещи: текст не пришлось править. Обычно сразу видно, где «писал робот», и хочется переписать. А тут — будто живой человек составил, складно и по-людски.

Две разные страны внутри одной страны, два разных штрафа, два незнакомых друг с другом человека. И один и тот же сюжет: маленький человек, которому система выписала несправедливый счёт, — и который раньше просто заплатил бы. А теперь не заплатил.

Что здесь на самом деле произошло

Тут стоит остановиться, потому что вывод не такой очевидный, как кажется.

Заметьте: машина не сослалась ни на один закон. Не достала из рукава хитрую юридическую норму, о которой не знают простые смертные. В обоих письмах нет ничего, чего не мог бы написать сам человек, — если бы умел и не ленился.

Машина сделала другое. Она перевела. Перевела злость и беспомощность обычного человека на язык, который бюрократия обязана воспринимать всерьёз. На спокойный, ровный, чуть формальный тон, в котором нет ни истерики, ни мольбы, ни угроз — только просьба пересмотреть, изложенная так, что отказать сложнее, чем согласиться.

Этот тон — тоже власть. Маленькая, бытовая, но власть. Раньше она была у тех, кто умеет писать «официально»: у юристов, у чиновников, у людей с образованием и привычкой. У Милли её не было. У Шона не было. У большинства из нас её нет — мы пишем коряво, на эмоциях, и система это чувствует и отфутболивает.

Машина просто раздала ключи от этого тона всем подряд.

Милли не стала юристом за пять секунд. Она стала ровней той системе, которая привыкла, что простой человек напишет сумбурно — и отвалится на полпути. Вот и весь фокус.

Машина не сделала нас умнее. Она сделала нас смелее в разговоре с теми, перед кем мы привыкли робеть.

Как я сам чуть не попался

Теперь признание — потому что без него эта глава была бы нечестной.

Прошлой зимой банк списал с меня комиссию, которую списывать был не должен. Сумма небольшая, но из принципа. И я, человек, который пишет книгу ровно про это, сделал ровно то же, что Милли: попросил машину составить претензию. Получил отличный текст. Отправил. Деньги вернули.

Но была одна деталь. В черновике машина уверенно сослалась на конкретную статью закона о защите прав потребителей — с номером, с формулировкой, всё как полагается. Звучало солидно. Я почти оставил как есть.

Почти. По старой привычке полез проверить — и статья говорила не совсем то, что приписала ей машина. Точнее, совсем не то. Номер существовал, а смысл был выдуман — гладко, уверенно, под нужный мне вывод.

Я убрал эту ссылку и обошёлся без неё. Письмо и так сработало — потому что силен в нём был тон, а не выдуманная статья. Но осадок остался. Если уж я, написавший про это целую книгу, чуть не отправил в банк придуманную норму закона, — то что говорить про всех остальных.

У этого свойства машины есть имя. В прошлой главе я обещал назвать его — называю.

Слово дня: галлюцинация

Галлюцинация — это когда машина уверенно сообщает то, чего нет. Придумывает факт, дату, цитату, номер статьи. И подаёт выдумку ровно тем же спокойным, складным тоном, что и правду.

Картинка простая. Представьте студента, который не выучил, но молчать не хочет, поэтому отвечает уверенно и наугад. Вот это оно и есть. Только студент хотя бы краснеет. Машина — нет. У неё одинаково ровный голос и тогда, когда она права, и тогда, когда сочиняет.

Это и есть главная ловушка. Не то, что машина иногда ошибается, — ошибаются все. А то, что по её виду нельзя понять, ошибается она сейчас или нет. Уверенность в ответе не значит ничего. Совсем ничего.

Уголок занудства (можно пропустить).

Почему она вообще врёт, да ещё так гладко? Потому что внутри она не ищет факты в базе, как поисковик. Она подбирает следующее по вероятности слово — то, которое чаще всего стояло бы здесь в миллионах прочитанных текстов. Для неё «настоящая статья закона» и «правдоподобно выглядящая выдуманная статья» — это просто два одинаково гладких набора слов. Она не отличает правду от похожего на правду, потому что не проверяет, а сочиняет по образцу. Новые режимы, где машина реально лезет в интернет и даёт ссылки, эту беду уменьшают — но не убирают. Поэтому правило не меняется: проверяй.

Самый дорогой урок в этой главе

Милли отделалась шестьюдесятью фунтами выигрыша. А вот сколько может стоить обратное — показал не студент, а адвокат с тридцатилетним стажем.

Нью-Йорк, 2023 год. Юрист Стивен Шварц вёл дело некоего Роберто Маты против авиакомпании — пассажиру в полёте травмировала колено тележка бортпроводника. Дело житейское. Чтобы подкрепить позицию, Шварц попросил ChatGPT найти подходящие судебные прецеденты. Машина выдала шесть. Идеальных: с названиями, номерами, цитатами из решений, ссылками на инстанции. Бери и вставляй.

Он и вставил.

Проблема выяснилась в суде. Противная сторона не смогла найти ни одного из шести дел. Судья — тоже. По простой причине: их не существовало. Все шесть машина сочинила от начала до конца — вместе с именами судей и цитатами, которых никто никогда не писал.

И вот деталь, от которой по-настоящему холодно. Когда у Шварца ещё до суда шевельнулось сомнение, он спросил у машины прямо: эти дела настоящие? Машина заверила — да, настоящие. Тем же ровным, уверенным тоном. Она соврала про собственную ложь и не моргнула.

Судья Кастел оштрафовал юристов на пять тысяч долларов и обязал их написать письмо каждому реальному судье, чьим именем машина подписала выдуманное решение. На слушании Шварц оправдывался почти теми же словами, что вертелись у меня в голове над банковской претензией: ему просто не приходило в голову, что эта штука способна выдумывать дела целиком.

Теперь сложите две картинки. Машина пишет Марине несуществующую норму про восемьдесят градусов в батарее. И она же подсовывает адвокату шесть несуществующих судебных дел. Разными людьми, в разных странах, по разным поводам — но одинаково гладко, складно и уверенно. Между фальшивкой и правдой в её исполнении нет никакой разницы на вид. Разницу придётся искать вам.

Тон — да, факты — нет

Отсюда — правило, которое превращает машину из мины замедленного действия в тихую сверхспособность. Оно простое, и оно делит всё надвое.

Доверяйте машине тон. Не доверяйте ей факты.

Пусть она превращает вашу злость и беспомощность в спокойное, складное письмо — в этом ей нет равных, и это законно, честно и работает. Но всё, что можно проверить, — номера статей, даты, суммы, ссылки на закон, фамилии, цифры — вы подставляете и проверяете сами. Машина — гениальный безымянный соавтор и никудышный свидетель. Пусть пишет. Показания давать будете вы.

Доверять тон — да. Проверять факты — всегда.

* * *

Вернёмся к Милли. Её победа была крошечной: шестьдесят фунтов, один штраф, одна улица в Йорке. Но фраза, которую она обронила, переживёт сумму. Без машины она не нашла бы слов — и просто заплатила бы. Не потому что была неправа. Потому что сдалась бы.

А теперь умножьте эту маленькую несостоявшуюся капитуляцию на миллионы. На всех Милли и Шонов, которые раньше платили несправедливый счёт, потому что «связываться себе дороже», — а теперь не платят. Вот она, тихая перемена. Не роботы у власти. Просто у обычного человека впервые появился ровный голос в разговоре с системой.

Шестьдесят фунтов — невысокая ставка. Ошибиться не страшно: ну, заплатил бы штраф, не разорился.

Но люди уже несут эту же машину, с этим же её уверенным голосом, в разговор куда более важный. Не с городским советом — с врачом. Не про шестьдесят фунтов — про собственное тело.

Что бывает, когда на кону не штраф, а здоровье, — следующая глава.

* * *

Источники к главе (для проверки и сносок): история Милли Холтон — BBC, ITV News, The Scotsman (март 2023); история Шона Бозли — The Independent, LBC, PA Media (февраль 2023); дело Mata v. Avianca, Inc. — решение судьи P. Kevin Castel, Южный округ Нью-Йорка, 22 июня 2023 года (\$5000 санкции), а также CNN, Ars Technica, материалы суда.

ЧАСТЬ II

Когда это важно

Глава 3. Второе мнение

Где-то в третьем часу ночи Кортни Хофманн делала то, что почти любой врач назвал бы худшей идеей на свете. Она вводила медицинскую карту своего четырёхлетнего сына в чат-бот.

К этому моменту она перепробовала уже всё остальное.

Три года, семнадцать врачей

Началось всё буднично. Локдаун, 2020 год, Кортни купила детям надувной батут — чтобы было где сбрасывать энергию взаперти. Вскоре её сын Алекс, тогда четырёхлетний, начал жаловаться на боль. Сначала родители решили, что режутся зубы. Потом — что кариес. Повели к дантисту.

Дантист ничего страшного не нашёл, но заметил, что мальчик скрипит зубами, и предположил, что дело в дыхании во сне. Так начался путь, который растянулся на три года и семнадцать врачей.

Симптомы накапливались, не складываясь в картину. Алекс грыз вещи. Тащил одну ногу. Перестал расти как раньше. Не мог сесть «по-турецки», скрестив ноги, — для воспитателей мелочь, а Кортни этот момент почему-то засел в память. Боль приходила волнами: с обезболивающим ребёнок был «совершенно нормальным», без него — закатывал такие истерики, что няня каждый день давала ему лекарство просто чтобы дожить до вечера. Сладкий, спокойный мальчик на глазах превращался в кого-то чужого.

Они объездили специалистов. Дошло до приёмного покоя. Каждый врач смотрел в свою область — зубы, сон, поведение, ортопедия — и каждый по-своему был прав и по-своему заходил в тупик. Никто не увидел целого. У Алекса по-прежнему не было диагноза, который объяснил бы всё разом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.